

Люси Мод
МОНТГОМЕРИ

В паутине

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44
М 77

Lucy Maud Montgomery
A TANGLED WEB

Перевод с английского Ольги Болговой

Серийное оформление и иллюстрация на обложке
Владимира Гусакова

© О. В. Болгова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28804-1

*Моим добрым друзьям
мистеру и миссис Фред У. Райт
в память об одной веселой неделе*

Часть I

*Прием
у тети Бекки*

О старом кувшине Дарков ходит немало историй. Эта — самая что ни на есть подлинная.

Из-за этого самого кувшина в семействах Дарк и Пенхоллоу много чего произошло. И кое-чего не случилось. Как сказал дядя Пиппин, кувшин мог быть орудием Провидения... или же дьявола. Во всяком случае, не будь этого кувшина, Питер Пенхоллоу, возможно, сейчас фотографировал бы львов в африканской саванне, а Большой Сэм Дарк, по всей вероятности, никогда бы не научился ценить красоту обнаженных женских форм. Что же до Дэнди Дарка и Пенни Дарка, то эти двое не поздравляли бы себя с тем, что без потерь выбрались из этой истории.

Кувшин по праву принадлежал тете Бекки Дарк, урожденной Ребекке Пенхоллоу. На самом деле большинство замужних дам в семействе Дарк были урожденными Пенхоллоу, а в семействе Пенхоллоу — урожденными Дарк, за исключением того существенного меньшинства, которое принадлежало к Даркам и Пенхоллоу от рождения. В трех поколениях шестьдесят Дарков заключили брак с шестьюдесятью Пенхоллоу. Соткавшиеся в результате

генеалогические хитросплетения озадачивали всех, кроме разве что дяди Пиппина.

Ни один Дарк не мог сочетаться браком с кем-то, кроме Пенхоллоу, и ни один Пенхоллоу — с кем-то, кроме Дарков. Говорили, что когда-то они не мыслили для себя иного выбора. А ныне никто уже не выбирал их самих. По крайней мере, так утверждал дядя Пиппин. Но слова дяди Пиппина следует принимать с изрядной долей скепсиса.

Так или иначе, ни Дарки, ни Пенхоллоу, против ожидания, не пришли в упадок. Оба клана все еще оставались гордыми, крепкими и жизнеспособными, готовыми, несмотря на все внутрисемейные споры и стычки, противостоять нерушимой стеной любому чужаку, любой посягнувшей на них извне вражьей силе.

В каком-то смысле тетя Бекки являлась главой клана, хотя Кросби Пенхоллоу, которому исполнилось восемьдесят семь — против тетиных восьмидесяти пяти, — мог бы оспорить ее старшинство, если бы это его заботило. Но восьмидесятисемилетнего Кросби Пенхоллоу интересовало лишь одно. До тех пор пока он мог каждый вечер играть дуэтом на флейте и скрипке с закадычным приятелем Эразмом Дарком, тетя Бекки вольна была удерживать в своих руках скипетр, сколько ей вздумается.

Нужно честно признать, что тетя Бекки не была обожаема семейством. Уж слишком ей нравилось высказывать родичам то, что сама она почитала чистой правдой. Впрочем, пока заботливо припрятанная правда хранится там, где ей *положено*, нет никакого смысла вываливать ее туда, где она совсем некстати.

Так, по крайней мере, рассуждал дядя Пиппин. Но только не тетя Бекки, чуждая такта, дипломатии и благоразумия, не говоря уже об уважении к чужим чувствам. Когда она хотела что-то сказать, она это говорила. А потому в ее обществе скучать не приходилось никому никогда и нигде.

Так уж повелось, что одни покорно терпят тычки и удары, а другие находят удовольствие в том, чтобы наблюдать, как ближние суетятся под их ударами и тычками. И поскольку тетя Бекки знала все маленькие печальные, странные или страшные тайны клана, никто не обладал броней, способной устоять перед ее уколами.

Маленький дядя Пиппин утверждал, что не променяет ни одного из выпадов тети Бекки даже на хорошую драку.

— Она — личность, — заметил снисходительно доктор Гарри Пенхоллоу в один из своих визитов по случаю чьих-то похорон.

— Просто повернутая, — проворчал Джон Пенхоллоу по прозвищу Утопленник, который и сам был изрядным оригиналом и соперников на этом поприще не терпел.

— Это одно и то же, — усмехнулся дядя Пиппин. — Вы все боитесь ее, потому что она слишком много о вас знает. Говорю вам, парни, только тетя Бекки и такие, как она, не дают нам зачехнуть.

Вот уже двадцать лет, как почтенная дама оставалась для всех «тетей Бекки». И когда однажды в Индиан-Спрингс пришло письмо, адресованное «миссис Теодор Дарк», новый почтмейстер вернул его с пометкой «Адресат не найден». Однако именно таково было официальное имя тети Бекки.

Когда-то у нее имелся муж и двое детей, но все они умерли — так давно, что даже она сама почти их забыла. Много лет тетя Бекки арендовала две комнаты в «Соснах», доме старой подруги, Камиллы Джексон. На самом-то деле в Индиан-Спрингс двери многих домов Дарков и Пенхоллоу были для нее открыты (клан никогда не забывал о родственном долге), но тетя Бекки их не посещала. У нее имелись свой крошечный доход и Камилла, которой было легко управлять, ибо она не принадлежала ни к Даркам, ни к Пенхоллоу.

— Я собираюсь устроить прием, — объявила тетя Бекки дяде Пиппину, когда тот как-то днем зашел проведать ее.

Он слышал, что старушка нездорова. Однако, оглядев ее, восседающую на кровати среди груды подушек, Пиппин обнаружил, что широкое, с крупными чертами лицо, как обычно, светится умом и язвительностью, и решил про себя: глупости, ничего серьезного. За тетей Бекки водилась привычка с удобством устраиваться на одре болезни, когда она решала, что семейство ее игнорирует.

Водворившись в «Соснах», тетя Бекки время от времени устраивала сборища, которые высокопарно именовала «приемами». Она имела обыкновение объявлять через местную газету, что в такой-то день миссис Ребекка Дарк принимает гостей.

Приходили все, кто не мог придумать достаточно веского повода для отсутствия. Отбив два часа за семейными сплетнями вперемежку со шпильками и злобными ухмылками тети Бекки, чашкой чая, сэндвичами и несколькими ломтиками торта, гости расползались по домам зализывать раны.

— Это хорошо, — одобрил дядя Пиппин, — а то клан что-то заскучал. В последнее время не происходит ничего примечательного.

— На этот счет не волнуйся, — ответила тетя Бекки. — Я собираюсь объявить — кое-что, но не все, — кому после моего ухода достанется старый кувшин.

— Ого! — Дядя Пиппин был заинтригован. Но все же не забыл о манерах. — Зачем же так беспокоиться? Ты еще увидишь, как закончится век.

— Не увижу, — отрезала тетя Бекки. — Утром Роджер сказал Камилле, что я и этого года не переживу. Заметь, мне, самому заинтересованному человеку, он ничего не сообщил, но я вытянула все из Камиллы.

Дядю Пиппина известие потрясло, и на какое-то время он замолчал. Уже три дня в его ушах стоял похоронный звон, который он, однако, не связывал с тетей Бекки. Вряд ли кто-то мог подумать, что она умирает. Смерть, как и жизнь, казалось, забыла о ней. Пиппин не знал, что и сказать.

— Врачи часто ошибаются, — наконец промямлил он.

— Но не Роджер, — мрачно заметила тетя Бекки. — Полагаю, я должна умереть. Возможно, для всех я уже мертва. Никто не беспокоится обо мне.

— Почему ты так говоришь, Бекки? — упрекнула Камилла предательски дрогнувшим голосом. — Разве я не беспокоюсь?

— Нет... на самом деле нет. Ты слишком стара. Мы обе слишком стары, чтобы искренне беспокоиться о ком-то или о чем-то. Не говори мне, что на задворках твоего сознания не проскакивает

мысль: «Когда она умрет, я наконец-то смогу пить крепкий чай». Нет смысла подмигивать правде или прикрывать ее сантиментами. Я пережила всех своих друзей.

— Ну... ну а как насчет меня? — запротестовал дядя Пиппин.

Тетя Бекки повернула к нему голову, седую голову старой карги.

— Насчет тебя?! — изрекла она почти презрительно. — А ты-то при чем? Тебе только шестьдесят пять. Я вышла замуж еще до твоего рождения. Ты лишь знакомый, если на то пошло. И едва ли родственник. Всего-навсего усыновленный Пенхоллоу, насколько мне помнится. Твоя мать всегда клялась, что ты сын Неда Пенхоллоу, но, признаюсь, кое-кто в этом сомневается. Забавные вещи всплывают порой на поверхность, Пиппин.

Не слишком-то это вежливо, отметил про себя дядя Пиппин, но решил не настаивать на своей дружбе с тетей Бекки.

— Камилла, — проскрежетала тетя Бекки, — не пытайся выжать из себя слезу. Нет сил это видеть. Мне пришлось отослать Амброзин, потому что я больше не могла выносить ее хныканья. Амброзин готова оплакать что угодно: и чью-то кончину, и загубленный пудинг. Бедняжку извиняет только то, что это ее единственное развлечение. Я готова умереть. Я испытала почти все, что могла, испила свою чашу до дна. Но я хочу отойти в мир иной чинно и правильно. Я собираюсь устроить большой прием. Дата будет объявлена в газете. Тем, кто захочет набить утробу, придется принести все

с собой. Я не намерена утруждать себя такими мелочами на смертном одре.

Дядя Пиппин был искренне разочарован. Для него, живущего в одиночестве, на скудный доход вдовца, случайные трапезы в домах друзей много значили. А тетья Бекки собирается созвать родню и не предложить ей никакого угощения! Это выглядело как-то негостеприимно. Все будут возмущены, но все равно придут.

Дядя Пиппин хорошо изучил своих Дарков и Пенхоллоу. Все, от первого до последнего, жаждали знать, кому достанется старый кувшин. И каждый на него притязал. Дарки всегда возмущались тем, что кувшин принадлежит тете Бекки, всего лишь одной из Пенхоллоу. Кувшином, по их мнению, должен был владеть урожденный Дарк.

Но старый Теодор Дарк оставил кувшин по завещанию горячо любимой жене, и тут ничего не попишешь. Кувшин принадлежал ей, и она могла делать с ним что угодно. Между тем за восемьдесят пять лет, отпущенных пока Господом тете Бекки, никто так и не сумел предсказать хоть один из ее поступков.

Забравшись в неказистое сооружение на колесах, которое он именовал двуколкой, дядя Пиппин поехал прочь, погоняя смирную белую лошадку по узкому и не слишком оживленному проселку, что вел от Индиан-Спрингс к Серебряной бухте. На маленьком, морщинистом, как высохшее яблоко, лице играла довольная усмешка, а удивительно молодые, поражающие своей живостью голубые глаза сверкали.

То-то будет славная потеха — наблюдать за плясками клана вокруг кувшина. Удовольствие, не отравленное ни досадой, ни корыстью для того, кто не заинтересован в наследстве. Дядя Пиппин знал, что не имеет ни малейшего шанса получить кувшин. Он всего-навсего пятиюродный кузен, и то под вопросом — если принять на веру сомнительное отцовство, над которым насмеялась тетя Бекки.

«У меня есть предчувствие, что старая леди собирается выкинуть штуку», — сказал дядя Пиппин своей белой кляче.

2

Хотя никакого угощения так и не подали, на «прием» тети Бекки собрались все Дарки и Пенхоллоу по праву рождения, брака или усыновления. Все, кто сумел добраться до «Сосен». Даже дряхлая, ревматическая Кристиан Дарк, никуда не выходившая годами, заставила зятя привезти ее на своей тележке молочника через лес, что поднимался стеной за домом.

Гармошки складных дверей между двумя покоями тети Бекки были сложены, в гостиной расставили стулья, а сама она, с горящими, как у кошки, глазами, принимала гостей, восседая на большой, орехового дерева, старой кровати под балдахином, завешанным пожелтевшим тюлем. Тетя Бекки спала на этой кровати со времен своего замужества и собиралась умереть на ней. Несколько родственников уже положили глаз на кровать, и каждая надеялась

заполучить почтенное ложе, но сейчас все думали только о кувшине.

Тетя Бекки отказалась наряжаться ради гостей. Сказала Камилле, что не намерена утруждать себя: они этого недостойны. Поэтому, сохраняя царственный вид, она принимала родню в старом, выцветшем красном свитере, ворот которого плотно обхватывал сморщенную шею; седые волосы были закручены в тугий узел, венчающий голову. Правда, тетя надела свой бриллиантовый перстень и заставила бедную Амброзин нанести немного румян ей на щеки.

— Это более чем неприлично в вашем возрасте, — запротестовала та.

— Приличия — чушь собачья, — парировала тетя Бекки. — Я давным-давно распрощалась с ними. Делай, как приказано, Амброзин Уинкворт, и будешь вознаграждена. Не желаю, чтобы дядя Пиппин заявил: «У старушки когда-то был неплохой цвет лица». Нанеси аккуратно и ровно. Никто из них, как бы им ни хотелось, не посмеет потешаться надо мной, иссохшей и изможденной. Ей-богу, Амброзин, не могу дождаться этого дня. Он станет последней радостью, которая выпадет мне на этой стороне вечности, и я намерена насладиться ею сполна. Все эти гарпии явятся сюда, чтобы выяснить, смогут ли они что-нибудь заполучить. А я заставлю их корчиться.

Дарки и Пенхоллоу понимали настроение тети Бекки очень хорошо, поэтому каждый вновь прибывший опасливо приближался к ореховому ложу с горестной уверенностью, что старушка непре-

менно огорошит его каким-нибудь особо ужасным вопросом, вдруг вскочившим ей в голову.

Дядя Пиппин приехал пораньше с изрядным запасом любимой жевательной резинки и занял место у дверей, откуда мог всех видеть и слышать все, что скажет тетя Бекки. Это была его награда.

— Ага, вот явился муж, который сжег свою жену, — припечатала тетя Бекки Стэнтону Гранди, долговязого, худощавого субъекта с саркастической улыбкой.

Он стал изгоем после того, как кремировал усопшую Робину Дарк, на которой женился давным-давно. Клан этого ему не простил, но Стэнтону Гранди было все равно. Вот и сейчас он лишь натянуто улыбнулся, посчитав слова старушки неудачной остротой.

— Вся эта суматоха вокруг кувшина не стоит и пары долларов, — презрительно заметил Гранди, усаживаясь рядом с дядей Пиппином.

Пиппин перекинул жвачку за другую щеку и с легкостью соврал во имя клана.

— Четыре года назад один коллекционер предложил за него тете Бекки сотню долларов, — с чувством сказал он.

Стэнтон Гранди был весьма впечатлен и, не желая этого показывать, заявил, что лично он не дал бы и десяти.

— Тогда зачем ты здесь? — спросил дядя Пиппин.

— Чтобы развлечься, — холодно ответил мистер Гранди. — Из-за этого кувшина все перегрызутся.

Дядя Пиппин от возмущения чуть не проглотил жвачку. Какое право имеет изгой, подозреваемый к тому же в принадлежности к сведенборгианцам, что бы это ни значило¹, насмеяться над причудами Дарков или странностями Пенхоллоу? Он, Пиппин Пенхоллоу, крещенный Александром, имел на это право. Он входил в клан, хоть каким-то боком. Но то, что Гранди, бог знает от кого произошедший, явился с той же целью, разозлило дядю Пиппина. Однако он не успел выразить свое возмущение, потому что появление следующей гостьи временно отвлекло его от наглого Гранди.

— Ну что, не разродилась еще раз на Королевской трассе? — спросила тетя Бекки у бедной миссис Пол Дарк, которая произвела на свет сына в салоне «форда», выпустив младенца в суровый мир по пути в больницу. Дядя Пиппин озвучил общее мнение клана по этому поводу, когда мрачно изрек: «Никакого порядка, куда ни глянь».

Смешок прошелестел по комнате, пока миссис Пол, с пылающим лицом, добиралась до стула. Но общий интерес тотчас же переметнулся на Мюррея Дарка, красавца средних лет, пожимавшего руку тете Бекки.

— Так-так, пришел взглянуть на Тору, а? Она вон там, за Пиппином и этим Гранди.

Мюррей Дарк пробрался к стулу, мысленно сетуя на то, что принадлежность к клану обрекает на

¹ *Сведенборгианцы* — последователи учения шведского духовидца и теософа Эммануила Сведенборга (1688–1772), основанные в 1787 году в Лондоне особую Церковь Нового Иерусалима, которая быстро распространила свое влияние на Великобританию и США. — *Здесь и далее примеч. перев.*

собачью жизнь. Разумеется, он пришел ради Торы. Об этом знали все, включая ее саму. Мюррею было наплевать на кувшин Дарков, но шанс взглянуть на Тору он упустить никак не мог. Уж слишком редко такой шанс у него появлялся.

Он был влюблен в Тору с того воскресенья, когда впервые увидел ее в церкви. Увидел невестой Кристофера Дарка, пьяницы и неудачника, обладающего коварным очарованием, против которого не могла устоять ни одна девушка.

Весь клан знал об этом; впрочем, скандала так и не случилось. Мюррей просто решил подождать, когда Крис очокурится. Тогда он женится на Торе. Человек разумный, состоятельный фермер, он обладал бездной терпения. Со временем он утолит свою сердечную страсть.

Впрочем, иногда Мюррей с некоторым беспокойством гадал, долго ли чертов Крис намерен упорствовать. Дарки обладали слишком крепким здоровьем. Ведя жизнь, способную лет за пять убить всякого обычного человека, они могли процветать все двадцать. Крис умирал медленной смертью уже десять лет и еще бог весть сколько собирался протянуть.

— Зря ты не попробуешь лосьон от выпадения волос, — сказала тетя Бекки Уильяму И. Пенхоллоу, который сызмальства выглядел слишком важным и серьезным, чтобы зваться просто Билли. Тетю Бекки он ненавидел с тех пор, как она сообщила ему — раньше всех прочих, — что он лысеет. — Моя дорогая, — в сторону миссис Перси Дарк, — какая жалость, что ты так мало заботишься о цвете лица. У тебя была прекрасная кожа, когда ты приехала

в Индиан-Спрингс. И ты здесь? — Вопрос относился к миссис Джим Трент, урожденной Хелен Дарк.

— Разумеется, я здесь, — ответила миссис Джим. — Неужели я настолько прозрачна, что в этом есть сомнения?

— Ты давно забыла о моем существовании, — сухо отозвалась тетя Бекки. — Но любопытство сгубило-таки кошку. Удивительно, сколько всего при-тянул сюда кувшин!

— Он мне ни к чему, — соврала миссис Джим.

Все знали, что она лжет. Нужно быть полной ду-рой, чтобы лгать тете Бекки, которую еще никому не удалось провести. Но миссис Джим Трент жила в местечке Три Холма, а все живущие там, по обще-му убеждению, имели мало здравого смысла.

— Еще не закончил свою историю, Миллер? — спросила тетя Бекки.

Старый Миллер Дарк выглядел глупо. Много лет он твердил о том, что пишет историю клана, но так и не взялся за нее. Подобные дела не делаются в спешке. Чем позже он приступит, тем длиннее бу-дет история. Это женщины вечно куда-то спешат. И Миллер с облегчением уступил место Палмеру Дарку, известному тем, что очень гордился своей женой.

— Она выглядит все так же молодо, а? — весело спросил он у тети Бекки.

— Да, если есть какая-то польза в том, чтобы вы-глядеть молодо, когда на самом деле ты не моло-да, — признала тетя Бекки, добавив мимоходом: — Подозреваю, вдовий горб у нее уже наметился. Давно не видела тебя, Палмер. Но ты все такой же, только чуть пополнел. Так-так, а вот и миссис Ден-

зил Пенхоллоу. Само изящество и красота. Слышала, что фруктовая диета полезна. Мне сказали, ты съела все фрукты, что присылали для Дензила, когда он болел прошлой зимой.

— Ну и что в этом такого? Он не мог их есть. И что я должна была с ними делать? Выкидывать, что ли? — поморщилась миссис Дензил. Кувшин кувшином, но она не намерена терпеть унижения от тети Бекки.

Явились две вдовы — миссис Тойнби Дарк, всегда готовая после смерти третьего, и последнего мужа излить свою скорбь на всех и каждого, и Вирджиния Пауэлл, сохранявшая моложавую привлекательность спустя восемь лет после кончины супруга, но все еще носившая траур и, по слухам, поклявшаяся никогда больше не выходить замуж. Правда, как заметил дядя Пиппин, о претендентах на ее руку и сердце пока никто не слышал.

Тетя Бекки приветствовала миссис Тойнби весьма официально. Та была знаменита своими истериками, которые устраивала, чуть заподозрив, что к ней отнеслись с пренебрежением или оскорбили, а тетя Бекки не собиралась позволить кому бы то ни было узурпировать внимание публики на своем последнем приеме. Но бедняжку Вирджинию она таки уколола:

— Твое сердце еще не откопали?

Чувствительная Вирджиния имела неосторожность сказать однажды, что ее сердце «погребено на кладбище Роуз-Ривер», и тетя Бекки никогда не упускала случая напомнить ей об этом.

— Тот джем пока не съели? — лукаво осведомилась тетя Бекки у миссис Тит Дарк, которая од-

Монтгомери Л. М.

М 77 В паутине : роман / Люси Мод Монтгомери ; пер. с англ. О. Болговой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 416 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-28804-1

Впервые на русском один из самых известных «взрослых» романов канадской писательницы Люси Мод Монтгомери, автора популярных книг о девочке Анне из Зеленых Мезонинов!

На острове Принца Эдуарда почетной главой двух старинных семейств Дарков и Пенхоллоу единодушно признавалась тетушка Бекки. Этой восьмидесятипятилетней старушке были известны все тайны, и она привыкла говорить только то, что думает, не считаясь с чувствами других людей. Однажды тетушка Бекки собрала представителей обоих кланов, чтобы огласить свою последнюю волю. Разумеется, на встречу явились все, поскольку не было на острове такого человека, который не мечтал бы заполучить ее старинный кувшин — главную реликвию Дарков и Пенхоллоу, окруженную романтическим ореолом. Однако завещание тети Бекки привело всех в замешательство, а главное — взбаламутило спокойную жизнь на острове и положило начало удивительным историям, в которых нашлось место предательству, милосердию, дружбе, зависти и, конечно, подлинной любви.

УДК 821.111

ББК 84(7Кан)-44

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ
В ПАУТИНЕ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Татьяна Филатова
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Анна Быстрова, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.05.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

12+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-NAM-37916-01-R